

*Спасибо всем библиотекам!
Желаю вам и впредь оставаться
кладезем информации и ковчегом эскапизма
с бесконечной вереницей прекрасных историй
на полках и соединять людей на долгие,
долгие годы.*

Пролог

Мне и в голову не мог прийти подобный поворот судьбы. Меня отродясь не посещала мысль рассказывать людям о том, что со мной произошло. Мне казалось, прошлое глубоко похоронено и постепенно как-нибудь само собой растворится, перестанет меня терзать.

Лучше встать чуть левее, чтобы зимнее солнце, отражающееся от припаркованных снаружи машин, не слепило глаза, затрудняя и без того непростую задачу. Впрочем, невозможность видеть лица, выжидательно устремленные на меня, прибавляет храбрости, как глоток чего-нибудь крепкого или неожиданный прилив бодрости духа. Мне не нужна трибуна — у меня нет конспекта; слова приходят сами, рвутся из глубины души.

Я вдруг начинаю волноваться и кладу руки на трибуну поверх дневника. Физическая опора немного успокоит расходившиеся нервы; хватит бояться. Мне стыдно и неловко, меня мучает тревога, что люди, узнав правду, переменят обо мне мнение. Порой я злюсь на себя за то, что все настолько вышло из-под контроля, но нельзя же вечно себя корить. Случившее стало для меня неожиданным и незаслуженным.

Хелен Рольф

Передо мной пять рядов стульев и тридцать или сорок лиц, повернутых ко мне. На некоторых — скептическое выражение, на других — опасливое, будто они догадываются — им не понравится то, о чем я буду говорить. Но есть и те, кто уже знает о моей боли и беспокоится за меня. Я надеюсь, что после моего выступления хотя бы один из слушателей, столкнувшись с такой же дилеммой, поверит, что он не одинок. Я хочу убедить их, что признавать существование проблемы — нормально. И нормально попробовать что-то предпринять с целью изменить свою жизнь. Нормально взглянуть в лицо упрямым, бесстрастным фактам.

Опоздавший застаёт меня врасплох, усевшись на последнее свободное место. Забавно, как от такой мелочи меня охватывает желание сбежать. Но я бегая уже достаточно долго, поэтому, когда в зале наступает тишина, сердце у меня начинает сильно биться, а во рту пересыхает. Пора начинать. Пора поделиться моей историей.

Потому что только очевидец знает правду о том, что происходит за закрытыми дверями.

Три месяца назад

1

Адам

— Уй, как тут круто! Девятилетний Зак, пытливый, как большинство мальчиков этого возраста, листал комиксы на стенде библиотеки Кloverдейла, но вскоре потерял к ним интерес и принялся носиться по проходам в поисках чего-нибудь более содержательного.

— Да уж, получше места не нашлось, — фыркнула четырнадцатилетняя Зоэ, не столь непритязательная, как брат. Она вступила в пору вредного переходного возраста и уже начала меняться — с недавних пор Адам ходил как по минному полю. Он понимал, что это только начало, но главное — дети с ним, а уж он обеспечит им нормальную жизнь.

— А ты не раскисай, — осторожно отозвался он. — Все не так уж плохо. Если ты дашь себе труд поглядеть, может, и найдешь чтение по своему вкусу.

— Сомневаюсь.

Дебелая дама в длинном и широком желтом плотняном платье подплыла к ним.

— Если вы ищете книги для подростков, у нас большой выбор!

Она увела Зоэ к стеллажам у стены, и Адам понадеялся, что даме в желтом удастся убедить девочку не

опускать руки. Все, что в последнее время говорил он, оказывалось не к месту и яростно критиковалось.

Он пошел за Заком, который отыскал книгу Дэвида Уолльямса и полное собрание книг о Гарри Поттере, которое у него уже имелось дома. Взгляд Адама привлекли ярко-желтые двери за парковкой при библиотеке: двери были складывающиеся, как гармошка. Одна створка была открыта, и было видно, как кто-то ходит внутри.

— А там у нас библиотека общих вещей, — сказала подроспевшая дама в желтом, которая водила Зоэ к подростковой секции. — Новый проект Кloverдейла, открыта в любой день.

— Как это — библиотека общих вещей?

— О, это чудесная задумка! Командует там Дженнифер, я вас обязательно познакомлю... Она сама все затеяла, обустроила и сторговала у поставщиков множество прелестных вещичек, от хлебопечки — я ее уже присмотрела для себя — до машинок для нарезки лапши, газонокосилок, садовых грабель, ракеток для бадминтона... — Напрягая память, женщина даже раскраснелась от усилий. — Навскидку больше не вспомню, но за пару фунтов наши кloverдейлцы смогут одалживать все это добро, пользоваться сколько понадобится, а потом вернуть. Знаете, с месяц назад я чуть не купила хлебопечку, но когда Дженнифер сказала, что я могу взять печку напрокат и опробовать, я подумала — почему бы и нет? С моим характером хлебопечка мне быстро надоест, и муж начнет зудеть, что я зря трачу деньги! — Ее громкий смех заставил Зоэ поморщиться, прикрывшись книгой, которую она соизволила полистать.

— Я — Элейн, — представилась, наконец, дама в желтом, остановив на минуту свою словесную мельницу. — А вы?

— А я — Адам. — Адам протянул руку. — Это моя дочь Зоэ. Зак, мой сын, крутится где-то тут.

Адам знал, что нужно осваиваться: для этого они и приехали в Кloverдейл. После Австралии они жили в Лондоне, но суета большого города Адама не привлекала. Анонимность, конечно, штука хорошая, но детям нужны свои комнаты, а в Лондоне ему и за сто лет не купить дом, в котором они не сидели бы друг у друга на головах. Поэтому Адам начал смотреть сельскую местность, но поближе к своей работе, где были бы хорошие школы, недорогое жилье и отпадала бы необходимость в выматывающих ежедневных поездках. Конечно, он не упустил шанс купить коттедж в Кloverдейле. Так они оказались здесь.

— О, какой приятный у вас акцент! Откуда вы родом?

— Из Англии.

— Нет, у вас новозеландский выговор, если я что-нибудь понимаю в акцентах!

— Австралийский, совсем легкий. Я родился в Англии.

«Ну же, дети, — подумал Адам, — выбирайте по книге, и пойдёмте отсюда».

— А что же привело вас на родину? Семья?

— Отчасти.

К счастью, Зак очень вовремя вмешался в разговор, попросив записать его в библиотеку.

Элейн на одном дыхании перечислила, что им нужно принести, чтобы подтвердить свой адрес, и отложила

дальнейшие расспросы, когда Адам пообещал зайти в другой раз.

— Приятно было познакомиться! — сказала Элейн ему вслед.

Он помахал в ответ и вышел, радуясь летнему ветерку и спасению от любопытной дамы в желтом. Вот чего ему не хватало в жизни, так это неумной провинциальной сплетницы.

Адам положительно падал с ног. Они пробыли в Кloverдейле двадцать четыре часа; коттедж был заставлен коробками с вещами, дети ссорились, а Зак еще и сшиб с подоконника полный стакан «Райбины» прямо на ковер. Адам побежал покупать моющие средства, оттер ковер и оставил высыхать. Матрац Зака он отволок в спальню Зоэ, к ее вящему неудовольствию, и теперь, лежа на диване, слышал, как они препираются. Он не понимал, почему дети не могут еще одну ночь переночевать бок о бок, ведь в Лондоне они три года делили одну комнату. С другой стороны, покинув Австралию в одиннадцать и шесть лет, они держались вместе, а теперь Зоэ подросла, и хорошее, судя по всему, закончилось.

Споткнувшись о коробку в коридоре, Адам выругался сквозь зубы и отпихнул ее с дороги. Затем пнул другую коробку и третью, вымещая пинками досаду и тяжелую обиду на все, что произошло в его семье.

Выпустив пар, он посидел минуту в кухне, стараясь овладеть собой и глубоко дыша, и пошел наверх разнимать детей.

Видимо, от усталости он ступал так тихо, что мягкие шаги не насторожили сына и дочь, и прежде чем

открыть дверь в нынешнюю комнату Зоэ, Адам остановился и прислушался, невольно улыбнувшись: они уже играли в игру, где один выстукивал на стене мотив из телесериала, а другой угадывал мелодию. Адам выслушал два раунда: Зоэ пробарабанила тему из «Соседей», которую Зак тут же отгадал, а Зак изобразил саундтрек из «Звездных войн», и Зоэ не нашла ничего лучше, чем отругать братишку за то, что он выбрал чересчур мальчишечье, которое ей в жизни не угадать. Адам уже хотел войти и пожелать спокойной ночи, когда услышал вопрос сына:

- Зоэ, как ты думаешь, это теперь наш дом?
- Конечно, наш, раз папа его купил! Ну ты и Дамбо!
- Не обзывайся!
- Ладно, прости.

Значит, устала, раз извиняется, подумал Адам. В основном Зоэ терпела Зака, но иногда принималась с ним нянчиться, заботясь о младшем братишке, и смотреть на это было умирительно. Адам гадал, насколько переволновался Зак после нового переезда и не начнет ли снова мочиться в постель, как сразу после неожиданного отъезда (по сути, бегства) из Австралии. Эта неприятность то прекращалась, то начиналась опять. В какой-то момент Адам пытался надевать Заку на ночь подгузники, но Зак вопил и категорически отказывался — он не маленький, и отцу раз за разом приходилось стирать простыни, а то и одеяло. Сейчас Зак не мочил постель почти три месяца, и Адам скрестил пальцы, чтобы и сегодня сын не оплошал.

— И чтоб во сне не говорила! — заявил Зак, и Адам не удержал улыбки. Он обожал подслушивать болтовню своих детей. Наедине друг с другом они говорили

как обычные дети, когда некому было их одергивать и им не приходилось держать лицо.

— Не говорю я во сне!

— Говоришь!

— Тише, Зак. Я устала. — Зоэ тоже не избежала эмоциональной встряски. Она не мочилась в постель, но после отъезда из Австралии ее мучили ночные кошмары и она с криком просыпалась. Адам спешил к ней и обнимал, укачивая. К счастью, Зоэ сразу засыпала, будто ничего и не случилось, и почти не задавала вопросов, и кошмары вскоре прекратились. А может, и нет. Может, Зоэ до сих пор видит во сне плохое, просто уже не рассказывает отцу.

— Зоэ...

— Спи, Зак.

— Зо-Зо...

— Не смей меня так называть!

О Господи. Адам однажды попробовал назвать дочку детским прозвищем и получил такую же яростную реакцию. Бедняга Зак. Наверное, перевозбужден после сегодняшнего переезда и подсознательно пытается ухватиться за то единственное, что ему знакомо, — за разговор с сестрой. Адам подозревал, что Зоэ порой забывает — брату всего девять. С другой стороны, ей самой всего четырнадцать. Не самый подходящий возраст для того, что им довелось пережить.

— Зоэ, а почему мама нас не хочет видеть?

— Зак, я не знаю. — Голос Зоэ дрогнул, но Адам чувствовал, что она сдерживается перед младшим братом.

— Она нас больше не любит?

— Не знаю.

— Ты ничего не знаешь!

— Спокойной ночи, Зак.

Зак не ответил, и теперь Адам почти не сомневался, что утром ему снова придется стирать постельное белье.

Неделю спустя солнце, проникавшее в окна коттеджа «Лилипут», пробудило Адама от крепкого сна, которым он наслаждался после переезда. Переезжать всегда сложно, но покупка дома и обретение долгожданной стабильности (или хотя бы надежды на стабильность) сделали свое дело. Зоэ ни разу не просыпалась от собственного крика, постель и матрац Зака по утрам были образцово сухими. Дети прекрасно осваивались на новом месте, и Адам знал, что ради них он обязан постараться сделать то же самое.

Он взял на работе несколько выходных и посвятил себя семье. У них не осталось ни одной свободной минуты, а еще предстояло купить школьную форму, учебные принадлежности — от ручек и карандашей до транспортиров, калькуляторов и новеньких пеналов — и разузнать короткую дорогу до школы, на машине и пешком. Дети уже успели завести друзей: когда они вернулись записываться в библиотеку, Зоэ разговорилась с девочкой Авой, немедленно подружившись на всю жизнь, а Зак на детской площадке в парке познакомился с мальчиком Арчи. Тут же выяснилось, что мама Арчи — Дженнифер, хозяйка библиотеки общих вещей, которая без промедленья взяла Адама в оборот, заручившись его согласием помочь с ее стартапом.

В пристройке, где была устроена библиотека вещей, Адам блеснул своей квалификацией мастера на все руки, собирая стеллажи для хранения, и помог втащить письменный стол, пока Зак и Арчи на парковке гоняли мяч. Церемония открытия была запланирова-